

ЕЩЕ не отбушевала буря революции. Еще каждое утро Европы раждалось под тревожную дробь барабанов и картуаву перекличку походных труб. Шелест трехцветных знамен вселял надежды, которым не суждено было осуществиться. А под знаменами в геометрически четкие каре выстраивались полки и, покачивая султанами киверов, отборные легионы Наполеона Бонапарта устремлялись на восток — навстречу новой славе, навстречу привычным победам. Никто не предвидел ни пылающих стен Кремля, ни беспорядочного бегства укутанных в бабы платки grenадеров, кирасиров, гусаров, недавно еще славившихся в великую армию, а сейчас приближающуюся с каждым днем к траурным водам Березины.

Так на гигантской сцене Европы акт за актом разыгрывалась величественная трагедия. В ней участвовали народы, государства, полководцы, философы, мужи науки и искусства.

В дни пролога исторической драмы, обозначенного падением Бастилии, Людвигу ван Бетховену было девятнадцать лет. Родившись в семье потомственных музыкантов, преданных своему делу, но далеких от иных дел мирских, Бетховен в отличие от них рано устремил свой взор в глубь жизненных явлений, стремясь постигнуть «сущность всего сущего». Эти раздумья и приводят его на философский факультет Боннского университета. Нет, не заносчивым студентом в зеленой корпорантской шапочке видится нам молодой Бетховен, а подлинным современником великих событий, искателем истины, отдавшим поискам правды на протяжении всей своей жизни тысячи нотных страниц.

Судьба подарила ему пятьдесят семь лет жизни. Рубеж двух веков разделил их на две почти равные части: тридцать прошло в восемнадцатом веке, двадцать семь — в девятнадцатом. Когда занималась утренняя заря нового века, для Бетховена в прошлое ушел захолустный Бонн, город его детства, свидетель первых зарниц, провозвестниц творческой грозы, великопленной, ни на день не умолкающей творческой грозы его жизни. Покидая Бонн, он с грустью расставался с Готлобом Неefe, угрюмым, ссутуленным, почти горбатым человеком с золо-

тым сердцем и пытливым умом, сумевшим раскрыть перед гениальным своим учеником законы музыкальной логики, научившим его мыслить диалектически, уменью развивать, умножать энергию музыкальной мысли. С ним, с учителем, жалко было расстаться двадцатидвухлетнему Бетховену, покидавшему родной Бонн ради Вены.

Именно здесь, в столичном городе на Дунае, городе Моцарта и Гайдна, создано Бетховеном все, что обессмертило его имя, что и подняло и углубило искусство музыки до пределов, неведомых даже его великим предшественникам.

ЧАСТО и справедливо называют на то, что в своем творчестве Бетховен соединил музыку с философией. И хотя в юные, боннские еще го-

она датирована 1800 годом. И хотя финал ее брызжет заразительным весельем, а две средние части (одна — более чопорно, другая — менее) воскряшают образы менуэта, первая часть решительно выделяется из симфонической литературы только вчера завершившегося галантного века, века пудренных париков, витиеватой речи, жеманных манер и томных мелодических вздохов. В этой музыке, открывающей век девятнадцатый, слышна мужественная поступь маршевого движения, фанфарные восклицания; со страниц партитуры еще не в полный рост, но уже вырисовывается героическая тема, предвосхищающая целую галерею героических образов в симфониях, увертюрах, сонатах Бетховена. Не календарная достоверность убеждает нас, слушающих бет-

рах «Эгмонт» и «Кориолан», в «Аппассионате» и других сонатах Бетховен создает полные энергии, пафоса, «священного горения» образы борцов за справедливость, за самое возвышенное на всех языках слово, слово ЧЕЛОВЕК. Недаром Владимир Ильич Ленин так ценил музыку Бетховена, недаром так взволнованно отзывался о его «Аппассионате».

Бетховен — человек и музыкант послереволюционной

ВЕЛИКИЙ ГРАЖДАНИН БЕТХОВЕН

● К 150-летию СО ДНЯ СМЕРТИ

ховенскую музыку, а его безотличная способность слушать. Время — слышать, понимать, ощущать, в каком направлении оно движется, творчески предвидеть главные магистрали его движения.

Бывали ли у него ошибки в определении движущих сил истории? Бывали. Одна — самая знаменитая. Подобно многим, подобно миллионам, он верил в прогрессивные лозунги Наполеона, был покорен его полководческим гением, высоко ценил его демократический, выдвинутый революцией государственный пост Первого консула республики. Да, подобно многим современникам, Бетховен идеализировал «освободителя Европы». О нем он писал свою Третью симфонию. Ему посвятил ее. Но, узнав о событии 1804 года, потрясшем европейское общество, о том, что Наполеон самозванно провозгласил себя императором Франции, Бетховен вычеркивает посвящение и оставляет наименование «Героическая».

Не только в Третьей симфонии, но и в Пятой, в увертю-

эпохи — решительно отличается от своих предшественников и подавляющего большинства музыкантов — современников отсутствием какого бы то ни было ощущения своей социальной неполноценности в обществе сильных мира сего, аристократов, «покровительствующих» искусству. Отец Бетховена был в «музыкальном служении» у курфюрста Максимилиана, великий симфонист Гайдн занимал должность «музыкального лакея» при дворе одного из богатейших венгерских магнатов. Моцарт, даже Моцарт (!) был вышвырнут за дверь (буквально) домоправителем зальбургского архиепископа.

Бетховен же помнил, что ставленник Наполеона Бернадотт — сын провинциального адвоката, ставший королем Швеции, что король неополитанский Мюрат — сын трактирщика, что один из первых полководцев Бонапарта — Лазарь Гош в детстве прислуживал на конюшне, а сам повелитель Европы, император французам, — сын мелкого корсиканского чиновника. Не стремясь ни к постам, ни к внешним знакам внимания, Бетховен выше всего ставил человеческое достоинство, правдивость, искренность, доброту. В

эпоху, когда влюбленные в переписке, в устных признаниях не могли отойти от слащавых витиеватостей, Бетховен заговорил о чувстве возвышенным, пылким голосом, полным неподдельной искренности. Иногда так горячо, как в финале Первой фортепианной сонаты, иногда так поэтично и проникновенно, как в начале «Лунной», так пламенно, как в ее финале, или так многогранно раскрывая тайны сердца, как в вариациях Тридцатой сонаты.

ВСТУПИВ в музыкальный мир Вены двадцатидвухлетним юношей, Бетховен очень скоро обратил на себя внимание как пианист. В его игре поражали не пальцы, а личность, воля, страстность и столь свойственный любимым им героям Шиллера, Гете, Клопштока, столь характерный для ораторов, выступавших в годы революции в Конвенте, пафос. К нему потянулись ученики. Среди них — Джульетта Гвиччарди, итальянская графиня судивительно привлекательной внешностью. Ей он посвятил

«Лунную сонату». Она считалась его невестой.

Казалось, ничто не предвещало катастрофы. Но вот письмом к другу, датированное 1801 годом: «День и ночь у меня беспрерывный шум и гудение в ушах. Могу сказать, что моя жизнь жалка; уже два года я избегаю всякого общества... Иногда я еле слышу говорящего тихо, правда, я различаю звуки, но не слова... Плутарх привел меня к терпению. Терпение! Какое жалкое прибежище, но только оно и остается мне». Ему предстояло жить еще двадцать шесть лет, написать восемь симфоний, оперу «Фиделио», два фортепианных и скрипичный концерт, последние, самые глубокие и сложные, квартеты.

Идут годы. Болезнь прогрессирует. Душевные силы, гений Бетховена не поддаются болезни. Родается его Пятая симфония о Судьбе, стучащаяся в дверь человека, грозно вторгающейся в жизнь. И все же герой симфонии в финале ее приходит к победе. Мысль Бетховена: «Человек недоулим».

Он находит в себе силы отвлечься от переживаний, только что закончившейся схватки с Судьбой. Он уходит в мир природы. Лес. Берег ручья.

Пение птиц. Покой. Вот звуковой мир Шестой симфонии. А сквозь шелест листьев, журчание ручья, птичьего голоса как явственно проступает душевный мир человека, сливающегося с природой! Наступило черное время, когда «океан звуков отхлынул от него», когда Бетховен вынужден был прибегать к «разговорным тетрадам». Не только собеседник, но и Бетховен вынужден был прибегать к «разговорным тетрадам». Не только собеседник, но и Бетховен вынужден был прибегать к «разговорным тетрадам». Не только собеседник, но и Бетховен вынужден был прибегать к «разговорным тетрадам».

Вынужденное ограничение контактов с людьми не лишило великого человека общения с друзьями, не сузило круга его интересов. Он по-прежнему живет активной жизнью гражданина своего времени.

Когда закончилась эпопея наполеоновских войн, когда ему стало ясно, сколь несправедливы они были, под какими лживыми лозунгами осуществлялись и сколько человеческих жизней унесли, великий музыкант, великий гражданин, республиканец задумал самое монументальное свое творение — симфоническое обращение к человечеству. Так возникла его последняя, его Девятая симфония, зовущая людей к миру, дружбе, справедливости, зовущая к радости. Впервые она прозвучала в 1824 году. Но подступы к ней отстоят от премьеры чуть ли не на десятилетие. Девятая не просто вынашивалась как музыкальное произведение. В ней сконцентрировалось само Время, его идеи, события, философское постижение жизни, вера в грядущее, в те далекие дали, когда, освободившись от целей, от несправедливости, бесправия и лжи, человечество воспримет и обретет Радость, о которой так просветлен поет хор, поют солисты в финале симфонии.

Путь Бетховена величествен на всем протяжении. Бетховен не имеет подражателей. Подражать ему невозможно. Путь его можно продлить только руками тех, для кого святы идеи служения искусством человечеству во имя идеалов, обретаемых не в мечтах, а в борьбе, в философском постижении противоборства света и тьмы, справедливости и зла.

Бетховенский путь продлили Чайковский, Малер и Шостакович. Этим путем пойдут новые поколения музыкантов, чей гений откликнется на зовы жизни и озарит ее, и обогатит ее великими творениями.
Леонид ЭНТЕЛИС